

СЕАН № 57/58

КОНЕЦ ИСТОРИИ

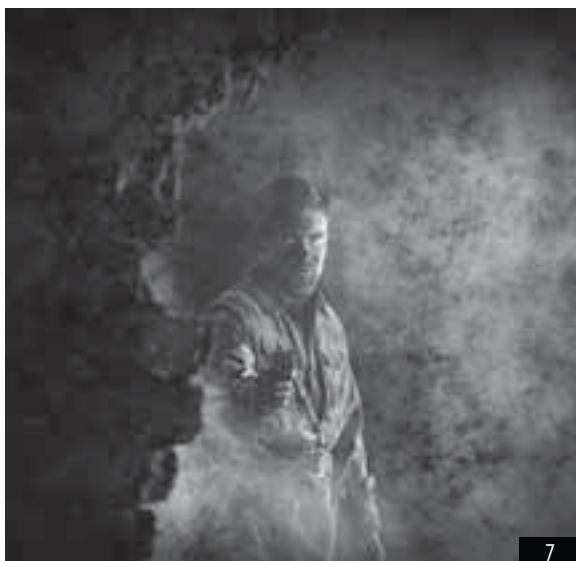
16+

В НОМЕРЕ

ПОСЛЕ ПРЕМЬЕРЫ СТАЛИНГРАД

- 7** Дары волхвов
Денис Горелов
- 11** Критики о фильме
- 23** Время — кровь. Хрестоматия

КРУПНЫМ ПЛАНОМ СПИЛБЕРГ / МИХАЛКОВ / ФОН ТРИЕР / ТАРКОВСКИЙ

- 37** Стивен Спилберг: откровение для Оскара и Авраама
Василий Степанов
- 43** Никита Михалков: битва на небесах
Василий Корецкий
- 47** Ларс фон Триер: раненая память
Наталья Ларанжина
- 53** Андрей Тарковский: память и след
Михаил Ямпольский

ИСТОРИЯ КИНО ЭРНСТ ЛЮБИЧ

- 63** История на крупных планах
Андрей Андреев

МЕЛОВОЙ КРУГ СВИНЦОВЫЕ ГОДЫ

- 79** Смерть за работой
Михаил Трофименков
- 149** По направлению к «третьему кино»
Фернандо Соланас, Октавио Хетино

79

ГЕОГРАФИЯ КИНО GO EAST

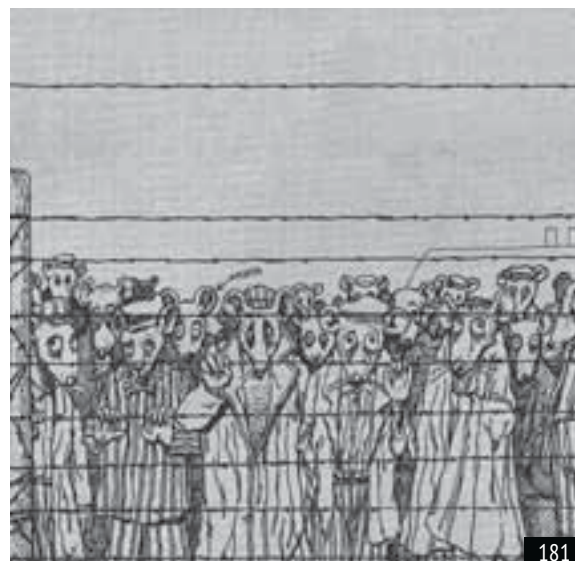
- 163** Чехия: параллельное прочтение
Ольга Серебряная
- 167** Венгрия: история как конец икоты
Василий Степанов
- 171** Румыния: тишина в аквариуме
Ксения Рождественская
- 175** Польша: ловушки прошлого
Ирина Рубанова

AD MARGINEM НАРИСОВАННАЯ ИСТОРИЯ

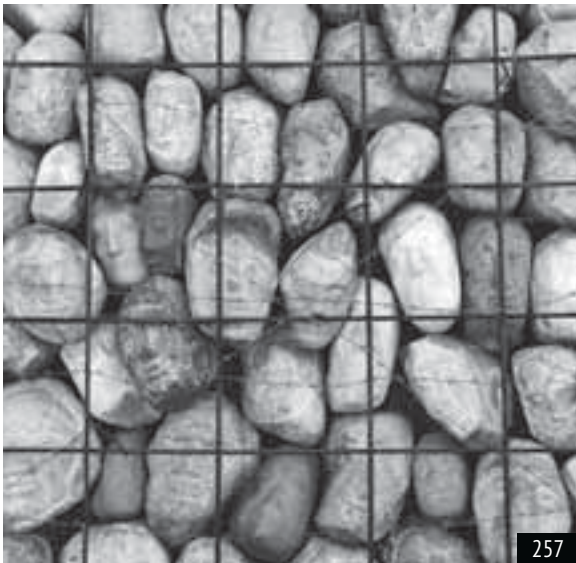
- 181** Obsессии и атомные бомбы
Юрий Болотов
- 191** Память, говори
Елена Файналова

171

181

ТЕОРИЯ КИНО
МОНТАЖ

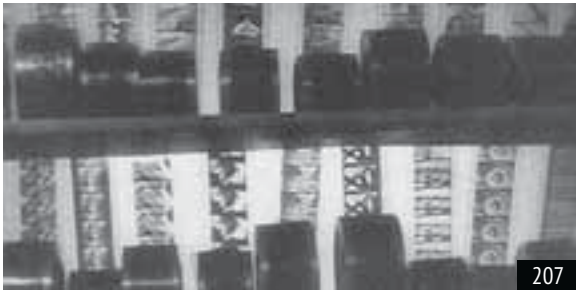
- 199 История как ассамбляж
Михаил Ямпольский
- 207 Теории монтажа: Америка – Советский Союз
Юрий Цивьян
- 227 Технология озарения
Олег Ковалов
- 239 Внутренняя вселенная
Алексей Артамонов
- 249 История, параллельная и последовательная
С Карло Гинзбургом беседует Наталия Мазур

BLOW-UP
FIN DE L'HISTOIRE

- 257 Жить и рассказывать
Александр Секацкий
- 267 Мудрец как фотограф
Борис Гройс

IN MEMORIAM
АЛЕКСЕЙ ГЕРМАН

- 277 Невозможность «проверки»
Михаил Ямпольский

- 282 Summary
- 284 Авторы номера

СТАЛИНГРАД

АВТОРЫ СЦЕНАРИЯ:

ИЛЬЯ ТИЛЬКИН

СЕРГЕЙ СНЕЖКИН

СЦЕНАРИЙ НАПИСАН

ПО МОТИВАМ ГЛАВ РОМАНА

ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА «ЖИЗНЬ И СУДЬБА»

РЕЖИССЕР-ПОСТАНОВЩИК:

ФЕДОР БОНДАРЧУК

ОПЕРАТОР-ПОСТАНОВЩИК:

МАКСИМ ОСАДЧИЙ

ХУДОЖНИК-ПОСТАНОВЩИК:

СЕРГЕЙ ИВАНОВ

ХУДОЖНИК ПО КОСТЮМАМ:

ТАТЬЯНА ПАТРАХАЛЬЦЕВА

КОМПОЗИТОР:

АНДЖЕЛО БАДАЛАМЕНТИ

В РОЛЯХ:

МАРИЯ СМОЛЬНИКОВА

ЯНИНА СТУДИЛИНА

ПЕТР ФЕДОРОВ

ТОМАС КРЕЧМАН

СЕРГЕЙ БОНДАРЧУК

ДМИТРИЙ ЛЫСЕНКОВ

АНДРЕЙ СМОЛЯКОВ

АЛЕКСЕЙ БАРАБАШ

ОЛЕГ ВОЛКУ

ХАЙНЕР ЛАУТЕРБАХ

ПРОДЮСЕРЫ:

АЛЕКСАНДР РОДНЯНСКИЙ

АНТОН ЗЛАТОПОЛЬСКИЙ

ДМИТРИЙ РУДОВСКИЙ

СЕРГЕЙ МЕЛЬКУМОВ

COLUMBIA PICTURES, РОССИЯ 1, NON-STOP PRODUCTION, ART PICTURES STUDIO

ПРИ УЧАСТИИ ОАО «БАНК ВТБ»

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА КИНО

135 МИНУТ, РОССИЯ, 2013

ПОСЛЕПРЕМЬЕРЫ

© АЛЕКСАНДР НИЗОВСКИЙ / НОН-СТОП ПРОДАКШН

ДАРЫ ВОЛХВОВ

«СТАЛИНГРАД» ФЕДОРА БОНДАРЧУКА

АВТОР: ДЕНИС ГОРЕЛОВ

Последнее время у нас растёт число фильмов, которые сильно теряют в пересказе. История фильма «Сталинград» — о том, как в одной сталинградской руине сошлись (в хорошем смысле) местная жительница в больших ботинках и семеро солдат, из которых один трус, другой балбес, третий бывалый, четвертый потертый, пятый немой, шестой вообще матрос, а седьмой командир и за все ответчик, — обещает немислимую театральность, которую мы тысячу раз наблюдали в спектаклях «В списках не значился» и в фильме «На семи ветрах». Каждый будет симулировать индивидуальность, и напишет домой неотправленное письмо, и произнесет свою дозу патриотических мантр в назидание потомкам, а потом все погибнут, спрятав барышню ради жизни на земле и продолжения рода.

Так вот, почти ничего этого не будет. Прежде всего не будет искусственной шестидесятической индивидуальности, потому что случится дополнительное действующее лицо, в программно-гуманистическом кино игнорируемое: грохот-огонь-сажа и прочая технологическая геенна. И это действующее лицо стянет на себя одеяло, как капризный премьер в групповой антрепризе. Ибо в общем кромешном аду не столько важны различия, сколько то, что все стреляют в одну сторону; и перечень побитой родни у всех похож, и разницы меж фамилиями Куликов, Громов, Астахов и Никифоров нет никакой совершенно. А что у одного прибавка «в общем и целом», у другого концертный

баритон, а третий метростроевец — это все перестает действовать при первом же залпе и криках снаружи на чужом языке, которых будет преизрядно.

Это кино о том, как стюардессинской внешности блондинка и просто домашняя брюнетка в разное время лежали под немцами и за то пользовались ненавистью пожилых и молодых, — только одной... (чуть не написал «повезло») только одной не повезло меньше, а другой больше, и та, которой не повезло меньше, сочинила для сына другую, приличную, гордую историю этой войны и этого подвала, которая нас устраивала семьдесят лет, а теперь устраивать перестала, — и режиссер Бондарчук рассказал, как было на самом деле, все равно подписываясь под ее гордой сказкой большими буквами.

Это фильм о том, как разведгруппа «Калуга» дважды не выполнила задачу, потому что и задачи на той войне ставились непосильные, и на выполнение их никто не рассчитывал, и сверхзадача для всех была одна: пустить немцу побольше юшки — а с ней художественно справились и страна, и Калуга, и разведгруппа, названная в ее честь. И эта сверхзадача исстари бесила и по сей день бесит белые страны-победительницы, которые войну начинают, потом сочиняют для побежденных законы этой войны, а потом карают за их нарушение тех, кто усвоил высшую истину: у войны никаких законов нет, вали всякую тварь, что попадется под нож. А после тех, кому повезло меньше, вешает нюрнбергский трибунал, а те, кому повезло

« Мария Смольникова
в роли Кати в фильме
«Сталинград».
Реж. Федор Бондарчук,
2013

© АЛЕКСАНДР НИЗОВСКИЙ / НОН-СТОП ПРОДАКШН

▲ Томас Кречман
в роли капитана Кана
в фильме «Сталинград».
Реж. Федор Бондарчук,
2013

больше, жалуются с трибуны ООН на бандитов и террористов, с которыми ну совершенно невозможно воевать, потому что «воюют они не для победы, а для мести». А бандиты тем временем считают остаток гранат и траекторию рикошета последнего наличного снаряда.

Потому что боеприпасов у цветных наций всегда недобор, а в избытке только людей, которых можно не считать, да никто и не считает. И этой готовностью положить прорву своих за десяток чужих цветные нации и отличаются от белых народов-победителей, за что белые считают их варварами и всячески дискриминируют в мирной жизни. И эту принадлежность своей нации к третьему миру, а не к белой элите режиссер Бондарчук, кажется, очень хорошо понимает, потому что после каждого боя разведгруппа «Калуга» выглядит сущими неграми и чертами из преисподней — столько вокруг сажи, копоты, кирпичной пыли и прочих отходов войны.

И самую-пресамую сверхзадачу — упасти от огня деву Катю — они исполняют тоже, коль скоро рассказ ведется от лица пожилого спасателя-международника, рожденного в том хлеву полугодом позже, когда стоял снег, а наши принимали первую за войну капитуляцию. Конечно, догадка о Втором пришествии и обращении Сталинграда в новый русский Вифлеем может показаться и чрезмерной, но так уж повелось, что все мальчики военного рождения рождаются не просто так, а с глубоким смыслом. Если так, то вывести Богоявление из самой бесчеловечной за два тысячелетия бойни, да еще путем смешения вражьих кровей, то есть без швов соединить ультранациональный миф с архиглобалистским — ход, воистину достойный величия. Особенно своей ненарочитостью, отсутствием этих удостоверяющих нимбов, цитат из Писания, всадников Апокалипсиса, с ходу переводящих действие в библейский регистр, — как хочешь, так и трактуй.

Хочу так.

Ибо семьдесят лет без большой войны в эпоху крайнего обострения конкуренции есть большое гуманитарное свершение, ставшее возможным только после большой кровопускательной прививки, причем на самом пороге овладения сверхоружием тотального уничтожения. По прошествии этих семидесяти лет и по мере равноудаления от войны, в нас гложет злоба, а в немцах вина, и они все чаще поднимают язык о своих массово изнасилованных бабушках и о том, сколько в них непрошеной русской крови. Так им режиссер Бондарчук теперь напоминает, сколько в нас непрошеной немецкой, и что за ту начатую ими и законченную нами войну мы довольно сильно и противоестественно породнились, что и приближает мир к исходному замыслу; так что пусть заткнутся, ибо какие меж родней разборки. «Твой отец моего убил», — это семьдесят лет звучало гордо и звало ко гневу и моральному отмщению. Сегодня выходит: наш папа убил нашего папу и правильно сделал.

Это и честнее, и всечеловечней, и, невзирая на все счеты друг к другу, намекает на довольно близкий генетический код. Всечеловеческое стирание разницы меж людьми сначала внутри одного племени, а после и меж племенами в ходе конфликта, внешне противоречащего самой идее человека, — мощное прозрение, и обдумывать его еще долго придется.

Это так, черновик.

P. S.

Это довольно беспорядочные заметки — но когда немец опять начинает, совершенно невозможно писать, потому что задувает копилку и с потолка сыплется всякая дрянь.

И не надо, Федор Сергеич, так орать, я все равно ничего не слышу. ■

▲ Петр Федоров в роли капитана Громова в фильме «Сталинград». Реж. Федор Бондарчук, 2013

© АЛЕКСАНДР НИЗОВСКИЙ / НОН-СТОП ПРОДАКШН

КРИТИКИ О ФИЛЬМЕ

Начать с главного: «Сталинград» — хороший фильм. Не шедевр, но таковых в постсоветском коммерческом кино и не встречалось. Зато гораздо осмысленнее, ярче, увлекательнее «9 роты» и «Обитаемого острова» того же Федора Бондарчука. Здесь много красивого, но, к счастью, мало красивостей. Есть пафос, но нет квасного патриотизма.

Антон Долин
«Ведомости-Пятница»

При внешнем сходстве «Сталинград» по сути далек и от традиции военно-патриотического кино (несмотря на декларативный финальный спич, прочитанный, как и весь закадровый текст фильма, самим режиссером и рифмующийся с персональными благодарностями в титрах Мединскому и Суркову), и от кино военно-приключенческого, изображающего мировой катаклизм как опасную, но увлекательную авантюру (в диапазоне от брутальной «Грязной дюжины» до уморительной «Большой прогулки» или отечественного «Крепкого орешка» Теодора Вульфовича). В фильме Сергея Бондарчука «Они сражались за Родину» обе эти глобальные тенденции обрели почти эталонное воплощение. «Сталинград» — другой, он, как и величественный дебют Федора Бондарчука «9 рота», скорее аналог «Песни о Роланде», героической поэмы о поражении.

Вадим Рутковский
«Сноб»

Никогда еще наше кино не поднималось на такой уровень технологического совершенства. У нас нет киноиндустрии, способной совершать такого рода подвиги в порядке повседневной зарядки, но есть кое-какие ресурсы, люди, возможности. И то, что Федор Бондарчук со своими продюсерами эти инструменты собрали в единый оркестр, который смог сыграть простую и эффектную голливудскую мелодию о спасении девочки из адского пекла (на самом деле, без «Сайлент Хилла», конечно, не обошлось), — это уже большое для нашего кино достижение. Просто гигантское.

Василий Степанов
Empire

Бондарчук говорил, что каждый режиссер мечтает снять фильм о войне. Судя по «Сталинграду», речь шла о какой-то другой — об односторонней войне, объявленной Бондарчуком Стивену Спилбергу, Майклу Бэю и всему голливудскому стандарту военного кино. Никто не забыт, ничто не забыто — ни список кораблей из «Трои», ни налеты на Перл-Харбор, ни герои комиксов. Все вместе создает ощущение повторяющегося сна, из которого невозможно выбраться, как невозможно выбраться из пробки во время репетиции парада: дом стоит, свет горит, из окна видна даль — так откуда взялась печаль?

Мария Кувшинова
«Афиша»

© АЛЕКСАНДР НИЗОВСКИЙ / НОН-СТОП ПРОДАКШН

Если с материальной частью художники постарались, то в облике защитников Сталинграда наблюдается та же небольшая проблема, что и в «9 роте»: их лица покрыты толстым слоем копоти, однако из-под нее сверкают как будто только что отбеленные зубы. Это, впрочем, мелочь на фоне общего великолепия «Сталинграда», напоминающего речь художника-снайпера Джоконды из «9 роты» о том, что танки и вообще оружие — это самое красивое, что человечество создало за всю свою историю, да и сама война эстетически безупречна: красота — это когда нет ничего лишнего, а на войне только жизнь и смерть. В «Сталинграде» Федор Бондарчук добавляет в этот расклад еще и любовь, дополнительно увязывая все эти три компонента с помощью композиции Виктора Цоя «Легенда», пущенной на финальных титрах внезапно в меланхоличном исполнении Земфиры — ее меньше всего ожидаешь встретить в этом произведении, главным достоинством которого является никак не тонкость и нервность, а, наоборот, самоуверенность и оглушительный натиск.

Лидия Маслова

«Коммерсантъ-Weekend»

Для «Б» это слишком дорого и качественно, но в каких других категориях немецких солдат погонят рвущиеся из адских врат красные демоны? Зак Снайдер в «Запрещенном приеме» или Квентин Тарантино в «Бесславных ублюдках» могли бы воспроизвести что-то подобное, но тогда бы они уже не остановились. Бондарчук осекается.

Владимир Лященко

«Газета.ru»

Ну что сказать?

Это мелодрама, спрятанная под славное имя «Сталинград».

Нужен ли такой фильм в России?

Да не очень. Для нас он простоват.

Дело в том, что русский зритель знает о Сталинграде гораздо больше, его багаж образов, связанных со Сталинградом, в сотни раз сложнее, чем фильм Бондарчука.

А вне России нужен ли такой фильм? Такая мелодрама?

Мое мнение: фильм-мелодрама «Сталинград» и был рассчитан не на российского зрителя.

Эдуард Лимонов

«Афиша-Воздух»

Как говорили в советской смешной телепередаче — о чем этот фильм? Да ни о чем. Он про красивую картинку без какой бы то ни было попытки смыслового наполнения. Показана Сталинградская битва? Нет. Показан подвиг наших бойцов? Нет. А что показано? Показаны невнятные диалоги и хороводы вокруг девушки Кати. Ну назвали бы фильм «Они сражались за Катю» — получилось бы честнее, что ли.

Дмитрий Пучков

«Однако»

«Сталинград» вообще устроен как эротическое состязание, соревновательный групповой секс, в котором стратегический дом и обобщенная женщина Катя-Маша — неразличимые метафоры друг друга. В финальной битве Кан чудовищными усилиями захватывает наконец дом, но радист Сергей успевает (спрятав предварительно Катю) передать просьбу к своим — нанести по зданию ракетный удар. Побеждает тот, за кем финальная пенетрация. Ритуальное зачатие героя, а вместе с ним и будущей победы, свершилось.

Порнографический накал действия к этому времени достигает такого бесстыдства, что зрительская эрекция неизбежна, как слезы в конце «Русалочки», даже если творчество Федора Бондарчука вам предельно несимпатично. После взрыва же следует очередная порция слов о героизме, отечестве, счастье потомков, и идеологическое послание становится кристально ясным: патриотизм — это оргазм.

Игорь Гулин

Colta.ru

Новейший российский патриотизм обнаруживает в фильме Федора Бондарчука свою шизофреническую природу — в «Сталинграде» сражаются не русские с немцами, а идеология со стилистикой. Госзаказ выполнен и даже перевыполнен, но такими средствами, которые обесмысливают цель. И это по-своему величественная, эпическая картина, такого кино мы еще, и правда, не видели.

Олег Зинцов

«Ведомости»

© АЛЕКСАНДР НИЗОВСКИЙ / НОН-СТОП ПРОДАКШН

© АЛЕКСАНДР НИЗОВСКИЙ / НОН-СТОП ПРОДАКШН

Если бы старцы из Политбюро смотрели картину Бондарчука-младшего, Хрущеву бы точно не понравилось, как и Брежневу; а вот уже Андропов, я думаю, фильм бы оценил. Он понял бы этот посыл: «Смерть за Родину — это красиво»; и сделано это, что немаловажно, современным языком, «понятным молодежи».

Андрей Архангельский
«Огонек»

Фильм дико старомоден. Наверное, потому, что апокриф, религиозная сказка о деяниях святых, обязан выглядеть старомодно. Возникает ощущение эстетического раздора. Только что шли «300 спартанцев» — и вдруг фильм становится похожим на павильонные картины сталинских времен.

Юрий Гладильщиков
«Московские новости»

Не стоит считать «Сталинград» фрондой, подрывающей каноны советского патриотического кино, которые до сих пор тяготеют над любым фильмом о Великой Отечественной. Бондарчук — очень советский режиссер: в том смысле, что свою ревизионистскую фигу он прячет в кармане консервативных чиновничьих брюк. Его высказывания всегда амбивалентны — вспомним «Обитаемый остров», который одними читался как критика, а другими — как апология положения вещей в РФ. Так что на каждый повод усомниться в Большом мифе о Великой Победе тут найдется железобетонный аргумент в пользу этой Победы.

Василий Корецкий
Colta.ru

Пафос финала заставляет забыть все промежуточные маневры, удачные и не очень. В нем вместе с домом Громова разрушается одна из самых стойких — и самых страшных — идей, лучше всего сформулированная Булатом Окуджавой и ставшая центральным образом фильма Андрея Смирнова «Белорусский вокзал». Вот она: ради победы мы за ценой не постоим. Конечно, защитники Сталинграда, которых Бондарчук называет «профессиональными героями», себя не жалеют. И само собой, победа им нужна больше, чем кому бы то ни было. Но цена у их победы есть — миллионы потерянных жизней.

Никита Карцев
«Московский комсомолец»

Бондарчук не притворяется большим художником, не скрывает свой новорусский вкус, не стесняется визуальных и музыкальных красот. Патриотизм «Сталинграда» получается буржуазным, если не сказать бюргерским. Поэтому он и не выглядит совсем уж квасным, и это, наверное, здорово.

Андрей Плахов
«Коммерсантъ»

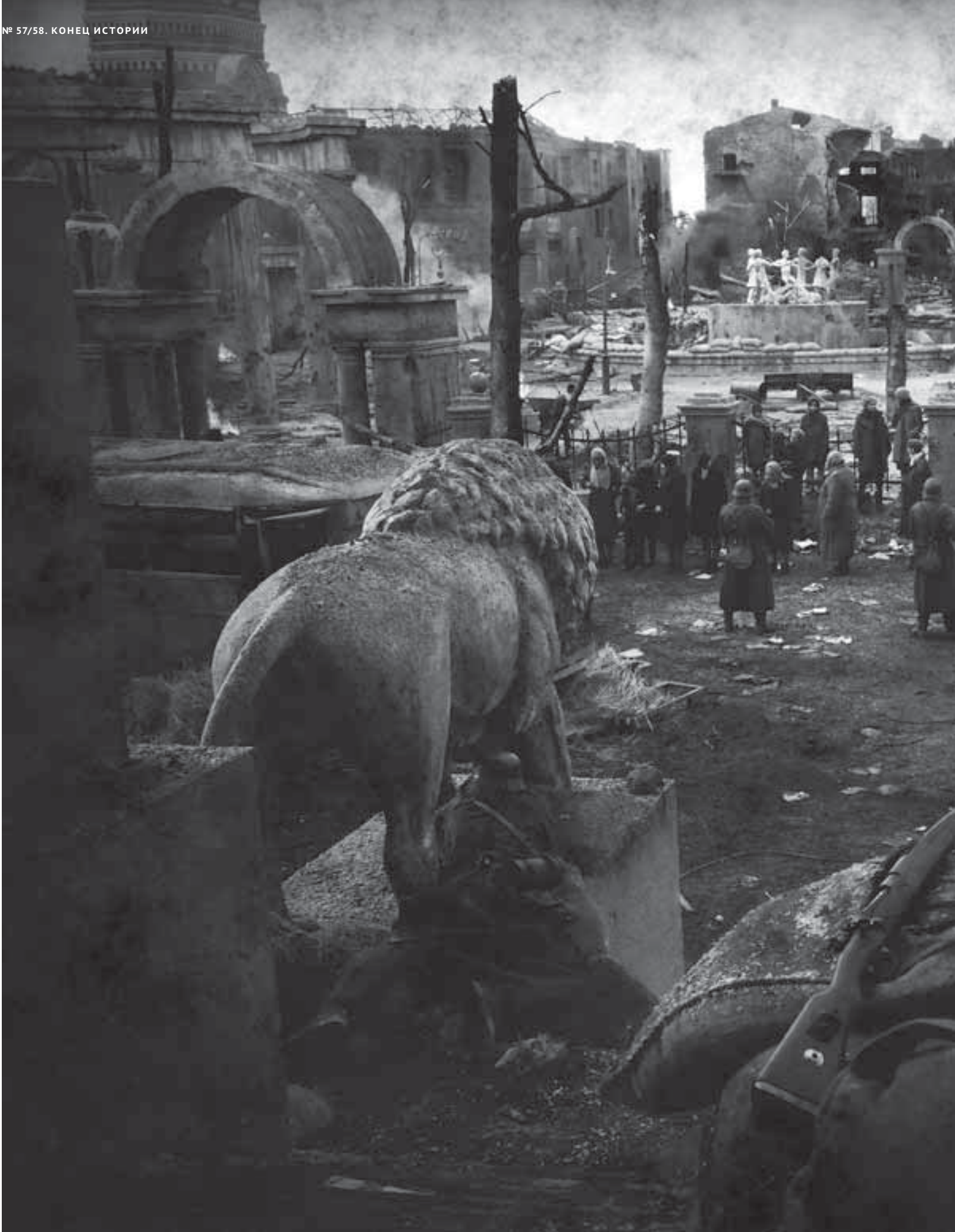
Трехмерное изображение, в современном кино чаще всего выступающее в качестве аттракциона, к которому зритель привык и уже его требует (хотя появились и первые свидетельства того, что аттракцион этот стал приедаться), в «Сталинграде» не приближает зрителя к происходящему, а напротив — отдаляет, возводя невидимую стену между сегодняшним днем и пространством мифа.

«Сталинград» Бондарчука при всей его насыщенности бытовыми, накопленными пытливым драматургом деталями войны похож на фильм-оперу, на произведение, повествующее о событиях, которые уже не могут восприниматься на реалистическом уровне.

Лариса Юсипова
«Известия»

Идеологический и этический этап осмысления войны позади — начался мифологический, и Бондарчук победил именно потому, что первым нашел адекватную интонацию для него. Это не интонация компьютерного боевика, как пишут недалекие противники фильма, — нет: правильней всего было бы сказать, что Бондарчук снял оперу. Для оперы важен любовный сюжет — для военной эпопеи он был бы нагрузкой, бантиком сбоку; для оперы нужны Бадаламенти и солирующая Нетребко, фантастический голос которой парит над таким же фантастическим пейзажем. В опере нет своих и чужих и даже, пожалуй, плохих и хороших — в опере есть гимн во славу человеческого величия, безграничности его возможностей; опера пишется не про войну и вообще не про людей, а про музыку, которая все заглушает и все искупает. Новое кино про войну — это кино про то, как Ахилл и Гектор на равных беседуют с Афиной и Аресом. Привыкать к этому трудно, но придется. Привыкли же мы к «Войне и миру», роману другого уровня, — но что поделаешь: масштаб свершения соответствует масштабу эпохи.

Дмитрий Быков
«Профиль»

**ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР,
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ МАСТЕРСКОЙ «СЕАНС»**
Любовь Аркус

РЕДАКЦИОННЫЙ ДИРЕКТОР
Константин Шавловский

ШЕФ-РЕДАКТОР
Василий Степанов

ЗАМЕСТИТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО ДИРЕКТОРА
Александра Ахмадщина

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РЕДАКТОР
Аглая Чечот

ВЫПУСКАЮЩИЕ РЕДАКТОРЫ
Алексей Белозёров
Петр Лезников

ВЕРСТКА И ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ
Алиса Гиль

КОРРЕКТОРЫ
Алексей Белозёров
Валентина Кизило

ПЕРЕВОДЧИКИ
Сергей Афонин
Светлана Клейнер
Екатерина Сыромятникова

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ
Никита Елисеев
Мария Жмурова

РЕДАКТОР САЙТА SEANCE.RU
Лёля Нордик

ГЛАВНЫЙ БУХГАЛТЕР
Алла Быкова

МЕНЕДЖЕР ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ
Александра Ефимова

АССИСТЕНТ РЕДАКЦИИ
Анастасия Сенченко

«СЕАНС» БЛАГОДАРИТ

Министерство культуры Российской Федерации и лично
Вячеслава Тельнова, Елену Лапину, Галину Строчкову

Первый канал и лично Константина Эрнста

Кинокомпанию СТВ и лично Сергея Сельянова

Кинокомпанию *ProLine* и лично Андрея Сигле

Киностудию «Ленфильм» и лично Федора Бондарчука, Эдуарда Пичугина

Сергея Толстикова

А ТАКЖЕ

Александра Голутву
за постоянную помощь и поддержку
в течение всех лет существования журнала

ФОТОГРАФЫ

Александр Низовский
Никита Павлов
Андрей Панисько
Серж Самойлов (O)

«СЕАНС» БЛАГОДАРИТ ЗА ПОМОЩЬ В ПОДБОРЕ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ольгу Аграфенину (Ленфильм)
Анну Васильеву (*A. R. Films*)
Алексея Кочешкова (Синемапринт Плюс)
Ирину Филатову (Ленфильм)
Дмитрия Широкова (*Pixel Bears*)
Гвен Пэрри (*BAK*)

В НОМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНЫ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АРХИВОВ

Библиотеки конгресса США, киностудии «Ленфильм», журнала *Life*

Мы приносим свои извинения тем фотографам, чьи имена не удалось установить. We apologize to the photographers, whose names were not identified. Nous présentons toutes nos excuses aux photographes dont nous n'avons pas réussi d'apprendre les noms.

Журнал «Сеанс» является некоммерческим изданием. *Séance* magazine is a non-profitable publication. La revue *Séance* est l'organisation à but non lucratif.